

Redaktorių kolegija:

- V. BRIO – Jeruzalės un-tas (Izraelis)
G. GAČEV – Slavistikos ir balkanistikos institutas (Rusija)
P. IVINSKIJ – Vilniaus un-tas
J. KOSTIN – Vilniaus un-tas (*ats. redaktorius*)
F. LESOUR – Burgundijos un-tas (Prancūzija)
G. MICHAILOVA – Vilniaus un-tas (*tomo redaktorius*)

Adresas ir telefonas: Vilniaus universiteto Filologijos fakulteto
Slavų literatūrų katedra.
Universiteto 5. 2734 Vilnius; 61 11 76.

Вильнюсский университет

Литература
1998 38(2)

Выходит с 1958 года

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА:
эстетические стратегии,
художественная практика, культурные контексты

Выпуск I

Издательство Вильнюсского университета

1998

Редакционная коллегия:

- В. БРИО – Иерусалимский ун-т (Израиль)
Г. ГАЧЕВ – Институт славяноведения и балканистики (Россия)
П. ИВИНСКИЙ – Вильнюсский ун-т
Е. КОСТИН – Вильнюсский ун-т (*отв. редактор*)
Ф. ЛЕСУР – Бургундский ун-т (Франция)
Г. МИХАЙЛОВА – Вильнюсский ун-т (*редактор тома*)

Адрес и телефон: Кафедра славянских литератур. Филологический факультет Вильнюсского университета. Университетского, 5. 2734, Вильнюс, Литовская Республика; 61 11 76.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Евгений Костин.</i> ФИЛОЛОГИЯ РУБЕЖА, ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О КОНЦЕ "ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ". (Вместо предисловия)	7
<i>Георгий Гачев.</i> КОСМОС РОССИИ И ЛОГОС ЕЁ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ	15
<i>Александр Лысов.</i> "НЕТЩЕТНОЕ СЛОВО". Библия в ее соотносительности с духовной композицией русского литературного процесса второй половины XX века	29
<i>Галина Михайлова.</i> "ТРЕТЬЯ КУЛЬТУРА" КАК ПРЕДМЕТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ	43
<i>Ирина Захариева.</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СИНТЕЗ – ДОМИНАНТНЫЙ ПРИЗНАК ТВОРЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПРОЗЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА	53
<i>Светлана Семенова.</i> "АТОМЫ НОВЫХ СМЫСЛОВ" НАТУРФИЛОСОФИИ НИКОЛАЯ ЗАБОЛОЦКОГО (Н. Заболоцкий и К. Циолковский)	67
<i>Наталья Шром.</i> К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ РУССКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА ("Столбцы" Н. А. Заболоцкого)	77
<i>Борис Евсеев.</i> ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ (От истории к современности)	87
<i>Инна Ростовцева.</i> ПОЭТ-ПРОРОК ИЛИ ПОЭТ-МАСТЕР? (Размышляя о будущем современной поэзии)	95
<i>Павел Лавринцев.</i> "ВИЛЬНЮС" Е. РЕЙНА И "ВИЛЬНЮССКИЙ ТЕКСТ" РУССКОЙ ПОЭЗИИ	103
<i>Олег Вардадян.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ФУНКЦИИ МАЛЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ФОРМ	113
<i>Регина Чичинскайте.</i> РЕФЛЕКСИИ АНДРОГИННОСТИ В КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА	125
<i>Наталья Арлаускайте.</i> ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА ГЛАЗА-СЕМЕНИ	135
<i>Наталья Дайлиденене.</i> ПЛАСТЫ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЕ ЕДИНСТВО ЯЗЫКА (проза В. Распутина)	145

"ВИЛЬНЮС" Е. РЕЙНА И "ВИЛЬНЮССКИЙ ТЕКСТ" РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Павел Лавринец

Вильнюсский университет

Многие вещи, написанные в наши дни, нуждаются в подробном исследовании ничуть не меньше, чем вещи классиков.

Томас Венцлова, "Литовский дивертисмент" Иосифа Бродского"

Фактический и генетический комментарий, без которого иные современные произведения "порою просто непонятны – и уж тем более покажутся непонятными нашим потомкам" [Венцлова 1993, 104], – вряд ли столь уж необходим для адекватного понимания прозрачного стихотворения "Вильнюс" [Рейн 1997]:

*Все сменилось – и карта, и флаг, и вывеска,
но, спросонья глянув в распахнутое окно,
ты вполне утешаешься, в окружной панораме выискав
те же шпиль, и купол, прибавленный к ним заодно.*

*Казимир, Иоанн, Михаил, Кафедральный – вполне достаточно,
чтоб опущенных лет свысока не считать ни во что,
и рукою махнув на "потеряно" и на "растрачено",
различить благодушно всей жизни своей решето.*

*Слава Богу, вот здесь, в этой комнате, то же художество,
недочитанный Пруст и дотла прогоревший камин,
значит, время все терпит и ты все готовишься
рассказать как попало, то что знаешь на свете один.*

*День пойдет сам собой, непременно коварно нашептывая:
"Ничего, ничего что ты маешься, всё впереди,
неужели не знаешь до чего эта доля почетная?
Время терпит, и ты погоди!.."*

Стихотворение явилось откликом на поездку летом 1996 г. в Вильнюс. Дом Фонда открытой Литвы и Клуб еврейской культуры Литвы при поддержке бельгийского Фонда короля Бодуэна устроили 8 июля вечер па-

мяти Иосифа Бродского. Вечер в зале театра Вильнюсского университета вели три поэта – профессор Йельского университета Томас Венцлова, лауреат Нобелевской премии Чеслав Милош и Евгений Рейн. Вечер продолжился посиделками в Доме Фонда открытой Литвы. На следующий день Русский культурный центр провел встречу с Рейном в магазине "Русская книга". В эти дни поэт жил сначала в той же гостинице "Неринга", в которой останавливался в первый свой приезд в Вильнюс, затем в квартире Пранаса Моркуса, *весельчака и бонвивана* в поэме "Три воскресенья" [Рейн 1994, 59], кинодраматурга, известного, в частности, коллекционированием произведений изобразительного искусства (*то же художество*). Неделю заполнило общение с давними, общими с И. Бродским, знакомыми. Самый важный из них, разумеется, сам Вильнюс.

Здесь поэт бывал в 1964–1968, 1977, 1980 гг., "если не считать отдыха в Паланге в 1985-м" [Ясинская 1997, 113]. Мемуарная тональность естественно пронизывала его высказывания: "Поэт сказал, что сейчас приехал в Вильнюс искать свое прошлое" [Цяляnciaвичюс 1996]; "Когда человеку шестьдесят, как мне теперь, он всюду ездит в поисках утраченного времени" [Ясинская 1997, 112; ср.: Мацкевич 1996]. Мотив обращения к собственному прошлому и "поисков утраченного времени" в стихотворении оправдан тем более, что новая встреча с Вильнюсом состоялась после перерыва в шестнадцать лет, после того, как все сменилось. Перемены в политической географии, восстановление государственного суверенитета Литвы, метаморфозы рекламно-информационного дизайнера даны перечислением конвенциональных знаков (и вместе с тем плоских предметов) – и *карта*, и *флаг*, и *вывеска*. Но нечто существенное в отделенном от остального пространства Вильнюсе пребывает в утешительной неизменности (*те же штили*).

Противоположность внешнего и преходящего неизменному в первой строфе трансформируется во второй строфе в противопоставление если не вечных, то вековых традиций христианской (католической) церкви и ее ценностей человеческой жизни, в *решето* которой просеивается временное, все, что может быть *потеряно и растрачено*.

В названиях вильнюсских костелов опускается родовое их обозначение, благодаря обычной языковой метонимии они становятся именами и приобретают едва ли не одушевленность; подобное происходит с *Прустом* в следующей строке. Это отличает перечисление костелов от перечисления абстрактных, не наделенных эпитетами и, следовательно, индивидуализирующими качествами *карты*, *флага*, *вывески*. Безличную анонимность пространства отменяют наименованность, географическая

приуроченность и конкретность места. *Казимир, Иоанн, Михаил, Кафед- ральный*, показанные в панораме города поэту, по устному свидетельству П. Моркуса, во время прогулки в июле 1996 г. с площадки техосмот- ра ГАИ на улице Миндауго, наглядно воплощают историческую глубину традиционных ценностей. В то же время они подчеркивают западную экзотичность Литвы, по меньшей мере, – для жителя бывшего СССР (мотив известной части советской поэзии и прозы 60–70-х гг., ныне об- ретший ностальгическую тональность). Ближайшая параллель, в которой видится отнюдь не только сходство, обусловленное тождеством предмета описания, – *бесчисленные костель, двуглавая Катарина и Dominikanaj* в "Литовском дивертисменте" И. Бродского.

Пруст и камин в третьей строфе – это прежде всего также условные приметы Запада или, точнее, западности. С другой стороны, благодаря роману, который писался два десятилетия, а издание которого растяну- лось на четырнадцать лет и продолжалось после смерти автора, роману, освоение которого требует немало времени (недаром *недочитанный*¹), роману о различных и вместе с тем сосуществующих пластах времени имя французского писателя означает саму идею восстановления прош- лого во всей возможной полноте и непомерного дления времени.

Камин – подчеркнуто несовременный предмет быта, принадлежа- щий прошлому либо эту принадлежность стилизующий. Сверх того, со- четание неизменного (*то же художество*, незавершенного, но допус- кающего свершение в будущем (*недочитанный Пруст*) и безвозвратного прошлого (*дотла прогоревший камин*) в личном пространстве комнаты создает представление о взаимопроницаемости и одновременности прошлого, настоящего, будущего. *Художеству, Прусту, камину* придана индивидуализированная качественность, личностно окрашивающая мир. "Голые" перечисления первой и второй строф сменяет "придетое" эпитетами перечисление третьей строфы; в четвертой перечислений нет, но есть повтор *Ничего, ничего*, эхом отзывающийся в *до чего*, по-своему замыкающий мотив возврата.

Внетекстовые обстоятельства возвращения в Вильнюс в стихотворе- нии предстают возвращением обстоятельств и реализуются мотивом по- ложительно отмеченного повтора. Мотив возврата, повторного приезда присутствует в стихотворении "И вот опять на новом месте" Льва Озе-

¹ Достойны упоминания высказанные в частной беседе внелитературные соображения П. Моркуса о том, что дочитать Пруста в его комнате не представляется возможным по той причине, что из семи книг двух у него не хватает.

рова, едва намечен в "Вильнюсе" Александра Межирова (*Мне из местных старожилов / Кое-кто уже знаком*). Иной, более близкий Рейну вариант мотива обнаруживается у Валерия Брюсова. Его стихотворение "В Вильно", начинаясь строкой *Опять я – бродяга бездомный* и завершаясь *Лик Пушкина, с мудрой улыбкой, / Опять поглядит на меня*, окольцовано ситуацией повтора обстоятельств.

Лирический сюжет стихотворения Е. Рейна приурочен к утренней поре, еще хранящей ночной мрак и морок сновидений (*спросонья*), но уже содержащей *implicite* наступающий день (*День пойдет сам собой*). Тем же временем суток означено стихотворение "Древний город" Андрея Кленова: *День у нас на славу выдался, То есть – славно начался* [Кленов 1957, 152–153]. Строками *Над горой Гедимины / Занимается день* заканчивается стихотворение Александра Прокофьева "Не лазурною синью", при первой публикации в ленинградской газете "Смена" озаглавленное "Вильнюс". Примеры может продолжить "Письмо в Литву" Николая Старшинова, упоминание Вильняле в котором позволяет локализовать его точнее: *Солнце, вырвавшееся из плена, / Бьет по граням промерзших крыш. / Здравствуй, милая. Лаба дена. / Или ты еще крепко спишь?*

Картина раннего (*чуть свет*) утра (*Когда еще над старой Вильной / Не слышен гром автомобильный*) в стихотворении Давида Самойлова "Старая Вильна" (1963) предвяряет череду повторяющихся будничных сцен. Высокая вневременность обычной жизни, самоценной и не нуждающейся в каких бы то ни было оправданиях и дополнительных санкциях, соотносится с символикой времен суток. Она, в свою очередь, связана с идеей цикличности и естественного течения жизни, упорядоченного чередования персонажей и событий. Примечательно, что Самойлов и Рейн прибегают к образу камина для выражения неизменного присутствия в настоящем прошлого, его длительности: *Так было и при Гедимине: / Дымился огонек в камине, / И толстый голубь ворковал, / И парень девушку ловал* [Самойлов 1994, 37].

В стихотворении "Над русской Вильной стародавней" Федора Тютчева *звон меди православной* оглашает высоты, надо полагать, к заутрене. Во всяком случае, национально-патриотическая историософская схема поэта находит выражение в образах того же метафорического ряда: былое господство католической церкви и нерусской цивилизации способно *смутным сновиденьем* напоминать о себе в промежуточной *полумгле* перед *всеобщим пробуждением*.

Возможно, мотив утреннего пробуждения, перехода из мнимой реальности сна к действительности (*метафорическая дремота* в стихо-

творении "Вильна 22-го октября 1868 г." Ивана Кондратьева; сравнение костела святой Анны со *сном далеких веков* в стихотворении В. Брюсова "Все чаще"²) глубинно связан с легендарным сюжетом основания города. Если следовать ему, то Вильнюс есть воплощенное истолкование вещаго сна князя Гядиминаса. Но обсуждение этого возможного подтекста и соотношения оппозиции реальности *sacrum* и недействительности *profanum* в мифологическом и/или религиозном сознании с противоположностью подлинного и неизменного мнимому и преходящему в обмирщенных формах мировосприятия завело бы нас слишком далеко.

Важнее обратить внимание на связь ситуации возвращения и обозначенности времени суток с идеей времени и, в частности, его циклической моделью. Представление о поочередно актуализирующихся отрезках времени предполагает сосуществование временных пластов, отличающихся качеством, мерой проявленности. Такая модель времени допускает перемещения, соотносимые с пространственными, возвраты во времени или возвраты, погружения в индивидуальное прошлое или прошлое страны, народа, города – метафоричные в меру поэтической условности.

Реальные топографические особенности *окружной панорамы* (Е. Рейн) исторического центра города, опоясанного поросшими лесом *крутосклонами* (стихотворение Л. Озерова "Не здесь, не здесь, на крутосклонах Вильнюса...") создают своего рода пространственную проекцию циклической модели времени. Ограниченное *темным лесом, что кругом / Нерукотворным лег кольцо* [Жиркевич 1890, 176], пространство города едва ли не исключено из необратимого однонаправленного потока исторического времени. У Брюсова *спокойная тишь* Вильнюса отделена *кругом холмистым* от пространства, в котором *буйствует шумно война* ("В Вильно").

Внутреннее пространство города характеризуется теснотой, влекущей перечисления: *Картина сбившихся до домов, / Церквей, костелов и садов* (А. Жиркевич); *Сеть улиц, строений и крыш* ("В Вильно" В. Брюсова); *Маленькие дворики, ограды. / Домики под красной черепицей* ("Твоя улица" Н. Старшинова). Подобные перечисления создают образ оформленного, насыщенного и достаточного пространства; ср. в другом стихотворении Рейна: *Прогуливаясь от Михаила до Анны, / обходя костель, кафе, пивные.*

² Ср.: *все дремлет* патрон города святой Казимир (В. Брюсов); *Старый город протыпается* (А. Кленов); *над спящими людьми* (Д. Самойлов); *было / Или только приснилось мне?* (Н. Старшинов).

Замкнутому в горизонтальной плоскости пространству Вильнюса присуща подчеркнутая вертикальная ориентированность (*флаг, вывеска, штили, купол*, вертикальные оси перечисленных Рейном костелов): *Над русской Вильной стародавней / Родные теплятся кресты* (Ф. Тютчев); *Соловы поют над Вильнюсом, И гусиной вереницею / Уплывают вдаль кресты* (А. Кленов); *неоглядность высоты, Холмы, и купола, и кроны* (Л. Озеров), уже не говоря о неизбежных Замковой горе, башне Гядиминаса и флага на ней. Показательно движение взгляда в "Литовском дивертисменте" И. Бродского: *Лужи, облака, / бесчисленные ангелы на кровлях / бесчисленных костелов <...>*.

Вертикальная ориентация вильнюсского пейзажа, его открытость верху подчеркивает горизонтальную ограниченность радужным венком лесов (А. Жиркевич), – и наоборот. Упорядочивающая определенность границ соотносима с осмысленной регулярностью круговорота времен года и суток. В него включен Вильнюс: *Весенний полдень* в "Литовском дивертисменте", охватывающем "суточный цикл – от полудня через вечер и ночь опять ко дню" [Венцлова 1993, 112]; *Сыро в Вильнюсе весной, / Летом, осенью, зимой* (А. Межиров); *Помнишь зимнюю полночь?* (Н. Старшинов); *Вильнюс мой в июне* ("Чем пахнет асфальт") или *город в майском цвете* ("Черная лебедь... Листва колокольни") у Ю. Кобриня; *осенний этот катаклизм, октябрьский вечер* в стихотворении В. Асовского "Городу и другу", его же "В Вильнюсе осень". Наконец, стихотворение Тютчева впервые опубликовано с вариантом *В холодной зимней полумгле* [Тютчев 1886, 342], впоследствии исправленном на *В холодной, ранней полумгле* [Тютчев 1900, 344].

Вильнюс с его замкнутым временем оказывается тем местом, в котором возможен возврат в личное прошлое или возвращение прошлого исторического. "В городе время становится зримым: здания, памятники, улицы, более открытые, чем свидетельства письменности, более доступные пристальному взгляду, чем рассеянные артефакты сельской местности, оставляют отпечаток на умах даже невежественных или равнодушных", – писал Льюис Мэмфорд. Характеристика американским культурологом города вообще вполне применима к Вильнюсу, где материальным фактом сохранения "время бросает вызов времени" [Мэмфорд 1938, 4]. Этот феномен отмечал в монографии "Искусство Вильнюса" (1940) литовский искусствовед Миколоюс Воробьевас: "Да, это город, обладающий исторической памятью и живущий не только плоской (plokščiu) жизнью сегодняшнего дня; это город, где время многосложно

(daugialypis) и многомерно, ибо прошлое здесь срослось с настоящим" [Воробьевас 1993, 96]³.

Здесь в настоящем присутствует старина: *Дыханье древности и воли* (Л. Озеров); *Много в городе истории / И забытой старины...* (А. Кленов). Поэтому в характеристиках города широко используется постоянный эпитет *древний* (например, *Вильны древней кремль* в поэме "Кейстут и Бирута" Максима Липкина; *В древнем Вильнюсе есть / С исторической башней вершина* в стихотворении "Литва" Евгения Долматовского; *древняя был* в стихотворении "С горы Гедимины" Александра Прокофьева), а сам Вильнюс как город дрящегося прошлого раг excellence, во всяком случае город с прошлым перифрастически обозначается формулой *град древний Гедимины* (Павел Кукольник, "Липинский в Вильнюсе"), *древний город Гедимины* (Константин Бальмонт, "Опомнись, Польша!") и ее вариациями.

В контексте межвоенного спора между Литвой и Польшей о принадлежности города вильнюсский мотив присутствия минувшего трансформируется в мотив грядущего возврата дремлющего прошлого и восстановления исторической справедливости: *Тот волк, в ком сто волков, вернется. Помни, Вильна!* [Бальмонт 1931, 33]. В поэме "Летува – золотое имя" Евгения Шкляра *старые башни* Вильны по ту сторону демаркационной линии неотделимы от боли *по разлуке вчерашней, / По всему, что еще не сбылось!..*, которая, верит поэт, вскоре будет утолена [Шкляр 1927, 11].

Мотивы прошлого личного и коллективного при обращении к вильнюсской теме – теме времени неразлично переплетаются. В любительском стихотворении "Вильне" описание живописных пейзажей старинного града завершает признание *Всего же более люблю / В тебе я – молодость свою!* [Плаксин 1888]. Несмотря на *виленских красот / Какой-то мусорный намет*, для лирического я стихотворения М. Липкина "Друзья, меня не ждите вы" *Вильна свята* воспоминаниями о первых утратах и юношеских грезах, которыми *обвеян* в городе *каждый камень, каждый дом* [Липкин 1888, 69–73].

Переплетение в теме времени личного и коллективного прошлого побуждает к осмыслению и описанию прожитой жизни ("Не здесь, не здесь, на крутосклонах Вильнюса" Озерова; поэма Жиркевича), к воссозданию своей виртуальной биографии, как в "Лейкрос" Бродского: *Родиться бы сто лет тому назад <...>*. Вильнюс оживляет в памяти минувшие времена (ср. в "Прогуливаясь от Михаила до Анны" Рейна: *припоминаешь*,

³ Перевод Л. Войтович, в котором литовские *plokščiu* и *daugialypis* переведены как *тривиальный* и *многогранно*, уточнен для большей близости к оригиналу.

и постоянно – / что-то еще, времена иные), свидетельствует непреходящую их подлинность; в осмысленности и памятности времени коренится реальность человеческого бытия. Из действительности прошлого, его непресеивающегося в решето остатка вытекает ценность будущего.

Осмысленной уже состоявшейся данности предстоит незавершенность (*все впереди*); действительность установленного, проявленного прошлого имплицитно открытость времени, соотносимую с вертикальной ориентированностью вильнюсского пейзажа, его открытостью вверх. В стихах Бальмонта и Шкляра, связанных с вильнюсским вопросом, открытость Вильнюса будущему реализуется пафосом, если можно так выразиться, геополитического оптимизма. В стихах советских поэтов сходная оптимистическая патетика совпадает с общей бодрой тональностью советской поэзии, с мотивом уверенности в светлом, еще более прекрасном будущем: *теперь народ хозяин твой, и оттого ты юн, / о, город древний, город мой, я о тебе пою!* ("Вильнюсу" [Устинов 1950, 35]); *И поет старый Вильнюс / Вечно новую дайну* ("С горы Гедимина" А. Прокофьева); *Чтоб флаг на башне Гедимина / Из года в год все жарче цвет!*... ("Литве" Н. Старшинова).

Очевидно, сходство образов, близость мотивов и их сочетаний в стихотворениях Е. Рейна и других, столь разных поэтов не зависит от знакомства с текстами предшественников в разработке вильнюсской темы. Оно не сводится и к неминуемым совпадениям, вызванным обращением к одному и тому же предмету описания. Уникальное сочетание особенностей рельефа и застройки города, его изначально столичный статус и значение в религиозной жизни, явственность шестивековой традиции обращают Вильнюс с его стилем жизни и особым ореолом в овеществленный многоязыкий свод нюансированных культурами и эпохами ответов на фундаментальные вопросы человеческого существования. Если справедлива мысль Л. Мэмфорда о том, что разум "обретает форму в городе и, наоборот, городские формы обуславливают разум" [Мэмфорд 1938, 5], то формы Вильнюса предопределяют его восприятие и создают соответствующее им умонастроение. Сам город и его характер настоятельно диктуют изоморфные поэтические тексты, в совокупности которых образуется некий инвариантный "вильнюсский текст".

Ч. Милош из мотивов своих настоячивых обращений к Вильнюсу в стихах и прозе начисто исключает эмигрантскую ностальгию. В этих обращениях он готов видеть скорее "поиски действительности, проясненной ходом времени, как у Пруста". Другая причина биографического свойства: Вильнюс для писателя остался "точкой отсчета, возможностью,

именно возможностью нормального" [Милош, Венцлова 1994, 104]. Свидание с Вильнюсом становится возвращением к такой "точке отсчета". Здесь, в локусе идиллической непрерывной временности открывается возможность диалога с самим собой, миром и Богом; немудреное осмысление существования как понятной в своей непритязательности, обычной жизни приходит в городе соразмерного с человеком величия.

ЛИТЕРАТУРА

Асовский 1987 – Асовский В. Воздушная тропа: Стихотворения. Вильнюс, 1987.

Бальмонт 1930 – Бальмонт К. Опомнись, Польша! – Наше эхо, 1930, № 510, 18 ноября.

Бальмонт 1931 – Бальмонт К. Д. Северное сияние: Стихи о Литве и Руси. Париж, 1931.

Брюсов 1973 – Брюсов В. Собрание сочинений: В 7-ми т. Т. II: Стихотворения. 1909–1917. Москва, 1973.

Венцлова 1993 – Венцлова Т. "Литовский дивертисмент" Иосифа Бродского. – Вильнюс, 1993, № 11 (130), с. 104–113.

Воробьевас 1993 – Воробьевас М. Искусство Вильнюса / Пер. Л. Войтович. – Вильнюс, 1993, № 4 (123), с. 86–98.

Долматовский 1947 – Долматовский Е. Созвездие: Шестнадцать стихотворений. Москва, 1947.

Жиркевич 1890 – А. Нивин [Жиркевич А. В.]. Картинки детства: Поэма. Санкт-Петербург, 1890.

Кленов 1957 – Кленов А. Неназванная книга. Москва, 1957.

Кобрин 1996 – Кобрин Ю. Литовский акцент: Избранное. Вильнюс, 1996.

Кондратьев 1868 – Кондратьев Ив. Вильна 22-го октября 1868 г. – Виленский вестник, 1868, № 119, 24 октября.

Кукольник 1861 – Кукольник П. Стихотворения. Вильно, 1861.

Липкин 1888 – Липкин [М.]. Стихотворения. Вильна, 1888.

Липкин 1890 – Липкин М. Кейстут и Бирута: Литовская быль из XIV века. – Вестник Европы, 1890, кн. 4, с. 739–784.

Мацкевич 1996 – Mackevič N. Mūsų svečias Jevgenijus Reinas. – 7 meno dienos, 1996 Nr. 29 92330, liepos 19 d.

Межиров 1971 – Межиров А. Поздние стихи. Москва, 1971.

- Милош, Венцлова 1994 – Милош Ч., Венцлова Т. Вильнюс как форма духовной жизни. – Вильнюс, 1994, № 9 (139), с. 103–145.
- Мэмфорд 1938 – Mumford L. The Culture of Cities. New York, 1938.
- Озеров 1974 – Озеров Л. Избранные стихотворения. Москва, 1974.
- Плаксин 1888 – Плаксин С. Вильне. – Виленский вестник, 1888, № 108, 22 мая.
- Рейн 1994 – Рейн Е. Предсказание: Поэмы. Москва, 1994.
- Рейн 1997 – Рейн Е. Вильнюс; Прогуливаясь от Михаила до Анны. – Знамя, 1997, № 1, с. 72.
- Прокофьев 1976 – Прокофьев А. А. Стихотворения и поэмы. Ленинград, 1976.
- Самойлов 1994 – Самойлов Д. Черта: Книга стихотворений. Москва, 1994.
- Старшинов 1972 – Старшинов Н. Зеленый вечер. Москва, 1972.
- Тютчев 1886 – Сочинения Ф. И. Тютчева: Стихотворения и политические статьи. Санкт-Петербург, 1886.
- Тютчев 1900 – Сочинения Ф. И. Тютчева: Стихотворения и политические статьи / Издание 2-е исправл. и доп. Санкт-Петербург, 1900.
- Устинов 1953 – Устинов В. Лирика. Вильнюс, 1953.
- Цяляnciaвичюс 1996 – Цяляnciaвичюс Р. В Литву – за прошлым. – Республика, 1996, № 56 (437), 12 июля.
- Шкляр 1927 – Шкляр Е. Летува золотое имя: Книга стихов шестая. Paris, 1927.
- Ясинская 1997 – Ясинская Т. Евгений Рейн: Литва и Бродский, Бродский и Литва. – Вильнюс, 1997, № 2 (153), с. 112–121.

**E. REINO „VILNIUS“
IR „VILNIAUS TEKSTAS“ RUSŲ POEZIJOJE**

Pavel Lavrinec

Santrauka

Straipsnyje komentuojamos E. Reino eilėraščio „Vilnius“ kūrimo aplinkybės ir analizuojama jo struktūra. Būdinga Vilniaus temai sugrįžimo situacija nulemia nuolatinių „Vilniaus teksto“ rusų poezijoje motyvų panaudojimą. Skirtingų laikų sąveika uždaroje poetinėje Vilniaus erdvėje leidžia įprasminti būtį ir suvokti savo gyvenimą kaip įvykusių duotybę. Nenutrūkstamo idilinio laikinumo locus suteikia dialogo su savimi, pasauliu ir Dievu galimybę; mieste, kurio didybė atitinka žmogiškąją, vyksta nepretenduojanti į išmintį egzistencija – kaip paprastas, aiškus savuoju nereiklumu gyvenimas.